

Сон в руку

Однажды Марусе привиделось во сне странное. Выбегает она на улицу – а там летят два лебедя: «Глядь – осели. Один горделиво красуется, а другой ножку больную поджимает. И я, будто, говорю себе: «Тот-то, здоровый, и без меня проживёт, а этот, хромой, пропадёт один, заберу я его». Проснулась, рассказала сон соседке, а она смеётся: «Вот ты и выйдешь за хромого!»

И точно. Избрала-таки себе девушка – статная, черноглазая, умница – подранка Великой Отечественной. Вернее, не она избрала – он сам окликнул её, вызвал из стайки девочек. Этот день девяностолетняя Мария Семёновна и сегодня помнит в мельчайших подробностях:

– С утра пришли на работу. Радио в школе не было. И тут Еадокья Михайловна Марына, тоже, как и я, молоденькая учительница, прибегает и говорит: «Сегодня же кончилась война! Девятое мая, день победы!» Директор не верит. Потом ещё кто-то подтвердил, и нас распустили. Я, конечно, скорее домой в Спасск рванула, к маме. Торопилась, бегом! Асфальта и в помине не было – грязь. Талоны свои брезентовые сняла – и босиком всю дорогу. Дошла до моста, помыла ноги – и скорее к маме на работу. Гляжу: на площадке как раз митинг идёт в честь победы. На митинге побывала, домой сходила, переоделась – и в клуб. Там уже вся молодёжь поселковая собралась: раз победа, значит, танцы! Мы тоже с младшей сестрёнкой Александрой потанцевали маленько. Потом девочки, мои одноклассницы, предложили по улице Мостовой прогуляться. Обратно возвращаемся – я в слёзы. Так обидно вдруг стало! У всех подружек отцы не были на войне – у кого старый, у кого броне, и только у меня у одной папа, Семён Иванович Старцев, погиб... Я ревом реву, не могу успокоиться. Они уж меня уговаривали, уговаривали. Подходим к мосту, слышу – кричит кто-то, мужской голос: «Маруся! Выйди ко мне!» Ну, я вышла... Вот так мы и познакомились, аккуратно 9 мая 1945 года. Это был Миша – мой будущий муж Михаил Николаевич Алексеев. Раньше друг друга не знали. А уж почему он именно меня окликнул и от кого имя мой услышал, этого я не спрашивала. Теперь и не спрошу: умер мой Миша десять лет назад. Почти шестьдесят лет с ним прожили...

– Годы за три до смерти что-то они с мамой поссорились, и папа мне сказал: «Я её безумно люблю, я ж без неё жить не могу!» – вспоминает с грустной улыбкой дочь Марии Семёновны Тамара.

Мамина старость собрала их в родительском доме – её и брата Александра. У обоих семейная жизнь не сложилась, а дети, внуки Марии Семёновны, уже давно стали взрослыми. Дом этот Михаил Николаевич выстроил своими руками ещё по молодости, несмотря, что инвалид войны второй группы. Медалей, правда, не успел заслужить: молоденький был, не обстрелянный, в первом же бою получил ранение и пальцы обморозил на руках и ногах (некоторые пришлось удалить), пока на поле лежал, ждал, когда его подберут. Но увечья ему не мешали выполнять любую мужскую работу. Умел, говорит, всё. Освоил профессию бухгалтера. Сам сделал трактор, на котором пахал, косил и убирал сено. Обучился на мастера по холодильным установкам и работал наладчиком на базе «Золотопроднаба». Для дома собрал из хлама первый холодильник. Руки золотые, в технике хорошо разбирался. И внуку всему обучил.

Крестьянская закваска

Недавно Марии Семёновне как вдове участника войны, а ещё и как ветерану труда, труженице тыла, заменили во всём доме готовые уже вывалиться от старости окна на «евро». Просила одно – заменили все пять. Конечно же, качественно и бесплатно. Конечно же, она благодарна такой заботе о ней со стороны государства, но и немного смущена. Она не из той категории людей, которые принимают всё как должное: мол, мы это заслужили. Нет, она

ВСЁ ВЗЯТЬ ДОБРОМ

Учительнице из посёлка Спасск Марии Семёновне Алексеевой исполнилось 90 лет

привыкла в жизни добиваться всего только своими усилиями. Так же и детей воспитала: сын сорок лет отработал в шахте, дочь столько же – в медицине, оба ветераны труда. «У нас вся семья – работяги», – говорит Мария Семёновна. Не исключением были и её родители – потомственные крестьяне из села Носеково Бийского района Алтайского края. На прииск Спасск они бежали в декабре 1934 года, когда на Алтае началась насильственная коллективизация и обобществление личных хозяйств, приведшие деревню к упадку. Пожилая женщина вспоминает:

– Уезжали ночью, перед Новым годом. На лошади. Поклажи было очень мало: дерюжки самотканые да мы. Конная дорога шла от Носеково через Разлом на Уруш, к Тарлашке. Одну ночь ночевали где-то у кержаков.

Приехали в Спасск, у папы здесь жил брат дядя Коля. У него и поселились. На второй день, как приехали, лошадь сдохла. Её сдали, и на вырученные деньги мама сшила мне и сестрёнке Саше ситцевые платья. Вот и весь доход. А как жить? Хорошо, дядя Коля пригласил палу в бригаду, на золоте работала. Золото рыли где-то по Урушу. Сначала вроде нормально зарабатывали. Всей артелью, помню, сложились и купили нам около школы в бараке небольшую комнату. Там пёчка была, за пёчкой кровать, а нам точная склотили, и мы на этом тотчанае втроем помещались.

Потом золота всё меньше и меньше стали намывать. Опять жить не на что. Тогда мама устроилась в столовую. Сначала картошку чистила. Потом заметили, что она очень трудолюбивая, умеет готовить, и перевели в повару. А папа совсем уже перестал зарабатывать – золота нет. Мама поговорила в пекарне (в те годы там работали в основном мужчины), и его взяли в помощники, потом пекарем. Так он до самой войны хлеб и пёк.

Война-то как началась, папа всё горевал, что его скоро возьмут в армию. Видимо, чувствовал, что погибнет. И верно: в сорок первом году его призвали, а в августе сорок второго мы похоронку получили. Что делать? Самая война. Голод. Нищета. Хлеба – считанные граммы. И отдельно давали продуктовые талоны на месяц: крупы граммов 200, масла, лапши, – всего понемножку. И решили так: кто жаелет, могут свои маленьки лайки отдавать в столовую «Золотопроднаба», а там будут на

всех варить суп, второе и раздавать. Мы так и сделали. Ходили, получали всё это домой.

Картошки не хватало. Мама говорит: «Девочки, надо нам картошки сжечь больше». А где? Огород-то занят морковью, свёклой, капустой. В общем, сходили мы на Солдатку, а там жили тогда корейцы. Мы с ними договорились (маме было некогда, она с утра до ночи работала), пошли, взяли с собой лопаты. Корейцы увидели, выдали нам вместо них мотыги, и мы с их помощью целый разработали. Картошки не хватило, так мы очистили для посадки использовали. И, между прочим, хоть небольшая, с куриное яйцо, но выросла из неё картошка. И на следующий год мы уже так не голодовали.

Семнадцатилетняя учительница

Старшая сестра у нас очень хорошо училась. А тут в Прокопьевск во время войны перевели педагогический институт из Ленинграда, и Валя туда поступила. Мы с Сашей твёрдо решили, что последую её примеру. Я уже до девятого класса дошла, когда в Спасске были организованы месячные курсы подготовки учителей начальных классов – не хватало их тогда. Даже с семью классами брали. В общем, я эти курсы окончила, и направили меня на работу в усть-шалымскую школу.

Первая запись в трудовой книжке Марии Старцевой появилась в 1943 году: «Принята на работу учителем начальных классов». И было в то время юному «учителю» всего-то 17 лет.

– Поступила на работу в августе, и мы школу сами оборудовали к открытию: мазили, белили. Школа деревянная, четыре класса, небольшой спортивный зал.

Мне сразу дали четвёртый класс. Учеников было много; у меня, например, сидело за партами по три человека. Отработала день, а после занятий – пешком домой, в Спасск. Иду, за спиной рюкзак, там книги и несколько десятков тетрадей на проверку. Прихожу вечером, план напишу, тетради проверю, а утром ранёхонько – опять в Усть-Шалым. Около полутора часов на дорогу уходило, но я тогда молодая была, ходючая. И так каждый день. В конце концов, завуч Анна Степановна Капусткина скалилась и взяла меня к себе.

И ещё одна учительница у неё жила из Кузедеевского района. А света не было – ни в школе, ни на квартире. Давали нам, правда, керосин и лампу. Вот мы все вечером соберёмся у этой лампы за столом и работаем. Кровать одна на двоих у нас с этой учительницей. Набили матрасовку травой – вот и матрац. А подушку я из дому привезла, на одной спали. И так мы несколько лет жили у Анны Степановны.

В Усть-Шалыме тогда были только частные деревянные дома. Помню, что я всё время ходила через речку. Против Алка мост был, но временный, в половодье нас переправляли на подках.

Проработала я там всю войну. Одновременно училась в Кузедеевском педучилище по специальности «учитель начальных классов». И только когда его окончила, мы с Мишей поженились. И я переехала в Спасскую среднюю школу.

Конечно, здесь коллектив совсем другой был. Ещё работали мои учителя, очень хорошо помогли мне, но я уже и сама кое-что умела. В Кузедеево мы, прежде чем получить аттестат, давали открытые уроки – русский, математику, историю, естествознание. И я ещё была руководителем методкабинета учителей начальных классов. Тогда уже появились наглядные пособия, работать стало легче.

«Она у нас трудолюбик!»

Спрашиваю Марию Семёновну, что же, на её взгляд, главное в работе учителя?

– Самое главное – хорошие отношения с детьми и с их родителями. К ним хорошо, и они к тебе прекрасно. Чувства такого не было, чтобы дети или родители обидели. И я старалась их не обижать. Ну, и самое главное, конечно, – урок. Чтобы на уроке хватало внимания всем детям. Я прекрасно знаю, допустим, кто хорошо обрабатывает, а кто хуже. И к тем, кто слабее, обязательно подхожу, помогаю. Раньше часто оставляли неуспевающих на осень, и с ними тоже приходилось много заниматься дополнительно.

Мария Семёновна признаётся, что никогда на детей не кричала, тем не менее, дисциплина у неё в классе всегда была отличная. Почему? А вот почему:

– У меня была тактика: всё взять добром. И дети всегда меня слушали. Я иду на работу, а они уже возле конторы встречаются; забирают сумку тяжёлую с тетрадьками, с планами. До школы и со школы так провожали. Также очень хорошо ко мне относились. Я любила своих учеников. Всех помнила, а нынче слабее стала памятью. Благодарна, что они меня не забывают. Вот и в день юбилея приходили, поздравляли!

При воспоминании об этом лице учительницы оживает, она снимает строгие очки-«бинокли», и я вдруг вижу её большие и всё ещё красивые, улыбающиеся, молодые глаза. Всем бы нам такими быть в девяносто-то лет! Кажется, дай ей в руки указку, поставь у школьной доски, и она ещё даст фору многим сегодняшним учителям! Только вот здоровье... Перенесла несколько операций, а сейчас ещё и сердце без таблеток работать отказывается.

– Но она справляется с болезнями, оптимист – насчёт этого молодёжь! Если скажу таблетку пить – пьёт, укол давай поставим – давай. Не привередливая, терпеливая. И до сих пор стремится мне помочь, лежать, говорит, не могу просто так. Ну, что с ней поделаешь, если она у нас такой трудолюбик! – с любовью в голосе говорит о матери дочь Тамара. Она так и произносит (или мне кажется?) – не «трудолюбик», а «трудолюбик». И в этом слове – и труд, и боль, и вся нелёгкая жизнь учительницы Марии Семёновны Алексеевой.

Ольга ВОЛОДИНА,
п. Спасск